

РУССКИЕ НОВОСТИ

Les Nouvelles Russes

№ 68

30 AOUT 1946

Выходит по пятницам

2-ой ГОД ИЗДАНИЯ
Deuxième Année

Tous les vendredis

PRIX DU NUMERO

10 frs

РЕДАКТОР А. ♦. СТУПНИЦКИЙ

Адрес Редакция и Конторы : 203, rue St Honoré — PARIS I. Tél.: OPERA 01-93

Rédacteur en chef A. Stoupnitzky

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Ив. Бунин

„ПАНОРАМА“

СЛАВА Модеста Гофмана, уже давно печущего, как бани, всякие русские истории для французов, соблазнила Ивана Тхоржевского, донныне нам известного только в качестве многолетнего сотрудника газеты «Возрождение» по части плохих переводов разных иностранных поэтов: теперь перед нами целых два тома его юзаческого труда: «Иван Тхоржевский. Русская литература. Издательство «Возрождение». Париж. 1946».

Это «общая панорама» русской литературы, по заявлению самого Тхоржевского: «Русская литература», категорически говорит он, будучи вообще весьма категоричен, — «лучшее, что было создано до сих пор русским народом. А между тем ее жизнь все еще не развернута одной общей панорамой. Не сделан — а нужен! — критический пересмотр: что же из старого еще живо в русской литературе? и чему из нового суждено жить?» Речь, как видит читатель, идет о деле весьма серьезном и печальном. И вот Тхоржевский решил спасти положение, длившееся до него покои веку без «одной общей панорамы», без «критического пересмотра». Труд и ответственность предстояли ему громадные, прав развернуть «одну общую панораму» того «лучшего, что было создано русским народом» за все века его существования, дать «критический пересмотр» этого «лучшего» и решить наконец: «что же из старого еще живо и чему из нового суждено жить?» — прав на все это у Тхоржевского, мне кажется, не было и нет. Но вот он все-таки «развернул», «пересмотрел» — и «решил». Он размахнулся необыкновенно широко, пересмотрел русскую литературу от самых древних истоков ее вплоть до самых последних наших дней, а руководство вался в своем труде следующей мыслью своей, высказанной в предисловии к «Русской литературе»:

— «Долго живет и оставляет глубокую зарубку в читательской памяти только то, что было раньше отточено, — как топор, — жизнью».

Что можно подумать о способностях и притязаниях Тхоржевского даже после одной этой смехотворной фразы? Все же считаю толком предостеречь читателей от его «Русской литературы». Худо то, что некоторые и даже не малые способности у него все же есть и что не всякий сразу разберется в их качестве и вообще в ценности его панорамы. Читатели могут быть удивлены, во-первых, его трудоспособностью и начитанностью, ибо, повторю, чего и кого только нет в его двух увесистых томах (от царя Гороха до советского драматурга Афиногенова), чуть не целая тысяча поэтов и прозаиков русских то проходит, то мелькает в его панораме! Могут быть, во-вторых, поражены читатели той бойкостью, смелостью, дерзостью, самоуверенностью, с которыми Тхоржевский, не хуже завязтого раешника, все проходящее в этой панораме с редкой решительностью судит, рядит, определяет, «отточено ли оно, — как топор, — жизнью» или нет. Есть, кроме того, в его «Русской литературе» весьма не мало верного, правильного: почти все верно, правильно там, где дело идет об общеизвестном, о том, что можно найти в любом учебнике и что может внушить малоопытным читателям даже почтение к Тхоржевскому, не даст им заметить, что и тут он зачастую несет совершенноную околесицу, говорит вздор и вульгарности: «Протопоп Аввакум пролетел как беззаконная комета в кругу расчисленных светил»; «Пантемир играл на глухом и дрянном инструменте»; «Котопихин был как человек дрянно»; «у Жуковского и у его подражателя Тургенева было неперемное желание правиться и отсутствие своего слова»; «Каролина Павлова и ее муж были тогдашние Мережковские»; «Пушкин только краемком копнул «Медного Всадника» коснулся символизма»; «Гершен — русский Вольтер, читать эи о русском Вольтера хорошо в вольтеровском кресле»; «Петербург избил новые клинья в душу Некрасова»; «Аноллон

Григорьев — русский Ницолит Тэн» — да, не более не менее как Тэн, который, вероятно, тоже мог бы сочинить, как Аноллон Григорьев это сделал, не сенку «Две гитары за стеной жалобно запыли»; «Тургенев на три четверти фарфоровый, непрочное изящество, хрупкость и старомодность... тургеневское творчество временами похоже на толкучий рынок призраков... за тургеневской культурностью крылась зияющая пустота...» и т. д. и т. д.

Таков Тхоржевский, когда он судит и рядит даже о классической русской литературе. А насколько он смел и развязен, как «критически пересматривает», категорически характеризует, венчает и развенчивает, казнит и милует писателей прочих, вчерашних и нынешних, как вообще он их раздвигает под тот или иной обих, некоторых не удостаивает даже упоминания (Г. Иванова, Газданова, Зурова, Ладинского) и на многих просто сочиняет чепуху, — во всем этом он и меры не знает. Вот, например, я: чего только не написал он на трех страничках о литературном труде всей моей жизни, сколько наболтал о нем пошлостей и совершенно глухих, грубо противоречивых и почему-то злобных выдумок:

«Бунин часто признавался в неистребимом желании своем как писателя остановить солнце. Движение ему несносно; ветер жизни его раздражает. Покой и солнце! Он классик, академик...»

Что за чепух? Где, когда я «часто признавался» в столь идиотском желании «как писателя»? Я «классик, академик», но почему же этот господин включил меня в отдел своей «Русской литературы», озаглавленный: «Художники — импрессионисты»? Он откуда то взял, будто меня «сближали с почепником Гончаровым, творчество которого напоминает остановившиеся часы». Но как же связать с этой галиматией о творчестве, подобном «остановившимся часам, следующую тираду Тхоржевского: «Стиль Чеховского «В овраге» воспринят Буниным со всей страстностью Бунинского темперамента»? Куда же денались мои «покой и солнце»? И далее: «Стиль Бунина — золотая сухость...» А где — же стиль Чеховского «В овраге»? И еще далее: «Людьми Буни мало интересуются, чувствует себя среди них золотым фазаном на бедном птичьем дворе... Он скуп, недоверчив, врачен к людям... Родился и умер пейзажистом, самого себя вложил в пейзаж... Оторвите его повествование от пейзажа — ничего не останется...» Старый «Господин из С. Франциско», лет сорок тому назад, когда весьма многие носили цилиндры, надев, сходя с парохода, цилиндр — Тхоржевский и тут зачем-то передергивает: «В «Господине из С. Франциско» есть промах: на палубе парохода люди в цилиндрах...»

Затем — вот Алданов, Тэффи: «Время работало против эмигрантов... Всякий свежий номер газеты их ранил... И писатели укрывались от жизни, каждый по своему... Так возникли исторические романы Алданова... «Боги жаждут», А. Франса — вот его образец... А закончил он свой исторический цикл прыжком прямо на Св. Елену... Другие пытались лечиться юмором: — так возникли юмористические рассказы Тэффи...» И Тхоржевский, сделав вид для красного словца (он вообще очень «покрашен» теперь), будто он не знает, что Тэффи много лет писала юмористические рассказы и до эмиграции, так кончает свой «критический пересмотр» ее творчества: «Не роман — область Тэффи. Ее сила и ее доля («бабья доля — доля злая») — мир художественных мелочей и газетного фельетона...»

При чем тут «бабья доля — злая доля», неистовство. Хлестаков опять и опять зарпортовался.

Ив. Бунин